

Первые подвиги Ильи Муромца

Да старой казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Он сидел ли тридцать лет на седалищи,
Он не имел-то ни рук ни ног,
Да пришло к нему два старца незнакомыи.
Проговорит ему старец да единое слово:
«Ай же, Илей, восстань ты на свои резвыи ноги,
Дай-ко пива выпити яндому».

Илей говорит-то старцю таково слово:

10. «Не имею я да ведь ни рук, ни ног,
Сижу тридцать лет на седалищи».
Говорил старый старец единое слово:
«Ай же, Илей, восстань ты на свои резвыи ноги,
Иди ты, Илей, к водоносу ты,
Налей пива яндому,
Принеси ты яндому питья».
Выстал Илей на свои резвыи ноги,
Пришел Илей к водоносу-то,
Яндому захватил питья с водоносу-то,
20. Приносил-то старцю единому.
Старец говорит ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты, Илей, да сам яндому».
Выпил Илей питья яндому,
Почувствовал в себе силу да великую.
Говорил старец-то друго слово:
«Ай же, Илей, дай же мне пива выпить яндому».
Он пошел по месту по дубовому,
Закричали балки под мостом белодубовым,
Загнулись-то тут мосты калиновы.

30. Зачерпнул питья Илей с водоносу,
Приносил старцу яндому питья.
Старец говорит ему да й таково слово:
«Да пей-ко ты, Илей, да сам яндому».
И выпил Илей друту яндому,
Услышал Илей в себе силу великую.
Проговорит тут старец еще единое слово:
«Ай же ты, Илей, дай-ко выпить яндому питья».
Он как выпил Илей пива яндому,
Он почувствовал в себе Илей силу да великую.
40. Говорил другой старец таково слово:
«Ай же ты, Илей, налей-ко мне пива яндому».

- Захватил Илейко лесу кусту в пясть,
 Отрубил лесу дремучие по корешку,
 Бросил на место на пристойное,
 Говорил родителю да таково слово:
 «Ай же ты, мой-то родитель рожденные!
 Полно ли тебе луг-пожню чистить.
90. Простите меня с рожденного со места».
 Отправлялся Илей к стольному городу ко Киеву.
 Пришел к тому камени неподвижному,
 На камени была подпись да подписано:
 «Илей, Илей, камень сопри с места неподвижного,
 Там есть конь богатырский тебе,
 Со всеми-то поспехами да богатырскими:
 Там есть-то шуба соболиная,
 Там есть-то плеточка шелковая,
 Там есть-то палица булатняя».
100. Проговорил Илей да таково слово:
 «Ай же ты, конь богатырской!
 Служи-тко ты верою правдою мне».
 Конь-то проговорил Илею да таково слово:
 «Ай же ты, Илей, старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович!
 Ты мошь ли владать конем богатырским?»
 Он садился старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович,
 На этого коня на богатырского
110. А со этима поспехами богатырскими;
 Садился тот старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович.
 Проговорил конь голосом человеческим:
 «Ай же, старой казак Илья Муромец,

62

- Илья Муромец сын Иванович!
 Знай ты мной управлять: дал тебе господь коня да
 богатырского.
- Послал господь ангелов милостливых,
 На твое рожденое на место:
 Дал тебе господь руке-нозе,
120. Не написано тебе, старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович,
 Не писана тебе смерть на убоищи».
 И поехал ли старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович,
 Путем ли то дороженькой-то широкой.

- Конь-то ведь мелкий-то речки перешагивал,
 Глубоки озера́ перескакивал,
 И он-то старо́й казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович,
130. И коня-то он попу́живает,
 И плеточкой шелко́вой дотрогивает,
 Палицей булатнею старо́й казак Илья Муромец
 Он поигрывает,
 Палицу булатную он кидывает из виду вон;
 Палице булатней сорок-то пудов.
 Он-то ехал старо́й казак Илья Муромец,
 И пришло на пути ему три ро́стани;
 На ро́станях-то было тут написано:
 «На леву руку-то ехать — богату быть,
140. Прямо ехать — убитому быть,
 В правую руку ехать — женатому быть».
 И раздумался старо́й казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович:
 «Мне не надо-то на старость да бога́титься,
 Мне не надо-то на старость да жениться,
 Мне надо на старость туды-то ехать, где убиту быть».
 И поехал старо́й казак Илья Муромец
 Прямо в путь в дороженьку во ши́року,
 И вдруг наехал на четыреста разбойников.
150. Все-то разбойники спать улеглись,
 Один-то разбойник похаживает,
 Похаживает, покарзуливает.
 Прого́ворил разбойник таково слово:
 «Ай же ты, старо́й казак Илья Муромец!
 Отдай-ко ты нам коня богатырского:
 Да волею отдашь да мы волею возьмем,
- А волею не отдашь, так мы неволею.
 Ай же ты, старо́й казак Илья Муромец!
 Отдай-ко ты палицу булатную:
160. Да волею отдашь, да мы волею возьмем,
 А волею не отдашь, так мы неволею.
 Отдай-ко ты, старо́й казак Илья Муромец,
 Отдай-ко ты плеточку шелкову:
 Ты волею отдашь, да мы волею возьмем,
 И волей не отдашь, так мы неволею.
 Ай ты, старо́й казак Илья Муромец!
 Отдай-ко ты шубу соболиную:
 Ты волею отдашь, да мы волею возьмем,

- Волей не отдашь, так мы неволею».
170. Проговорил старой казак Илья Муромец:
«Да мне на старость надо шубка погреватися,
Мне на старость надо конь богатырские,
Мне стару́ казаку надо палица поигрывать,
Плетка шелковая надо коня попу́живать».
И разгорелись ёго жилы богатырские,
Разгорелись его руцы белые:
Умертвил Илей-то всех четыреста разбойничков,
Этого единого разбойничка привязал к стремячку
булатному,
Привязал к этому ко́ тороку кониному.
180. И мелки речки конь перешахивал,
И глубоки реки конь перескакивал;
Плеточкой шелковой тут старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Плеточкой коня богатырского попугивает,
Палицей булатнею старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Палицей булатнею поигрывает,
Палицу булатную выкидывает из виду вон;
Палица-то булатняя сорока пудов.
190. Он приехал ли старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
И приехал ли ко городу ко Крякову,
Ко городу ли приехал ко Крякову,
И к этому Одолищу поганому.
Заехал на двор богатырскии
И много множество врагов тут поганых
Умертвил старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
- Умертвил-то всих врагов да ведь поганых
200. И этой палицей булатнею,
Ай булатнею, мечом богатырским.
Привязал своего коня богатырского
Ко этому столбу ко точеному,
Ко этому столбу ко золоченому,
Шел-то к Одолищу поганому
Во эти покои белодубовы.
Сидит тут Одолище поганое
И в этой он покое белодубовой:
Голова-то у него — пивной котел,
210. Глаза-то у него — пивны чаши,

- И между глазами у Одолища поганого пядень.
 То спросит Одолище поганое:
 «Ай же ты, крестьянской сын!
 Есть на Руси старóй казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович,
 Он велик ли то ростом есть?»
 Проговорит крестьянской сын,
 Проговорит ему таково слово:
 «Е на Руси старóй казак Илья Муромец,
 220. Е он росту такой, как я».
 «И много ли он хлеба-соли к выти кушает?»
 «Он кушает крестьянской сын,
 Старой казак Илья Муромец сын Иванович,
 По три фунта хлеба ест,
 И мяса ест по три фунта,
 И пива пьет по пивной чаше».
 Отвечает тут Одолище поганое:
 «Ой же ты, крестьянской сын!
 Какой же есть то русский могучóй богатырь?»
 230. Как есть-то я богатырь,
 Ем-то я хлеба по печи,
 Мяса ем я по стягу
 И пива пью по три яндому».
 Проговорил ли тут крестьянской-то сын,
 Проговорил Одолищу поганому:
 «У моего родителя у батюшка
 Была на дворе корова да обжориста:
 Ела да пила — ю рóзорвало».
 Одолище поганое — разгорелось его сердце богатырское,
 240. И взял со гвоздя ножищó-кинжалищó,
 Бросило в сына крестьянского.

65

- И в ём была в крестьянском сыне,
 В старóм казаке Илье Муромце,
 Ухватка была богатырская:
 Отстранился от этого ножика-кинжалища.
 Пролетел же этот ножик-кинжалищó,
 Во эти сени во решетчатые.
 Он вышел ли старóй казак Илья Муромец,
 Илья Муромец сын Иванович,
 250. И от этого Одолища поганого,
 А с этых сеней да со решетчатых,
 На широк двор ко своему ли коню да к богатырскому.
 Увеселилось ёго сердце богатырское:

- Очистил-де старой казак Илья Муромец
Путь дороженьку да широкую,
Ко этому ко городу ко Киеву,
Ко тому ли солнышку ко князю ко Владимиру.
И тут-ка старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
260. Он по городу Крякову погуливает,
Он погуливаё, ай похаживаё
Сам думу крепку подумываё:
«Надо бы ехать от города от Крякова,
И надо бы ехать в руку во правую,
В левую руку ехать ко Соловью Рахманову».
Садился старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
На того ли коня богатырского
От этого ли Одолища поганого,
270. От этого ли от города от Крякова;
Привязал ли это Одолище поганое
Старой казак Илья Муромец
К этому ко стремени булатному
А ко этому ко тороку кониному,
И конь мелкий переброды перешахивал,
Глубокий реки перескакивал,
Мхи и озера на око́л-то держал,
Едет ли путём ли то дороженькой широкой
Ко этому ли Соловью Рахманову;
280. И этот ли Соловей Рахманов,
Явный разбойник по белу́ свету,
Имеет он жительство на двенадцати дубах,
Не пропускает он к себе ни конного,
Ни конного он, ни пешего.

66

- Он едет, старой казак Илья Муромец,
Палицей булатнею поигрывает,
И палицу булатную выкидывает из виду вон;
И палица булатная сорока пудов;
Плеткою коня да ведь шелковою попуживат.
290. Приехал старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Ко этому же полю ко великому,
Ко этому ко полю ко чистому.
Ездит Соловей Рахманов на богатырском коне,
И палицей булатнею поигрывает,
И палицу булатную выкидывает из виду вон.

- Устрашился же у старá казака Илья Муромца,
Устрашился конь да богатырский
Этого Со́ловья Рахманова.
300. Он свистнул тут по-змеиному,
Крикнул он по-звериному,
Со́ рта пламя у него помахивает,
С носу искры у него попрядывают:
Устрашился у старá казака Илья Муромца
Этого крику да звериного,
Этого свисту да змеиного
Его конь да богатырский:
Пал ли конь его богатырский на сыру землю,
Пал ли конь да на колена.
310. Проговорил старóй казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович:
«Ай же, волчья сыть, пеловой мешок!
Ты что же устрашился крыку звериного,
Устрашился ты свисту змеиного!
Послужи-тко верой правдой мне».
Они съехались на поле на чистоём —
Старóй казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Со э́тым Соловьём со Рахмановым,
320. И сбил ли старóй казак Илья Муромец
Этого Со́ловья Рахманова
Со седельшка черкасского,
Со этого коня да богатырского,
Со этой палицей со булатнею,
С э́тими поспехами богатырскимá.
Его разгорелось сердце богатырское.
Вышел со своего добра-то коня,

67

- Отвязал-то ведь он того да разбойничка
От своего он стремени булатного,
330. От этого то́рока кониного.
Еще тут старóй казак Илья Муромец
Отвязал от того Одолища поганого,
От этого то́рока кониного,
От этого стрéмени булатного —
Привязал он Со́ловья Рахманова
И ко этому ко стремени булатному,
И ко этому то́року кониному.
Поехал со поля тут со чистого,
Старóй казак Илья Муромец,

340. Илья Муромец сын Иванович,
А со этим со Соловьем Рахмановым,
И ко этой палаты богатырской.
Сидят в покои богатырской.
Сидят три дочери рожденные,
Сидят три зятя любимые.
Большая дочь поговаривает:
«Наш-то батюшка едет со чиста поля
И русского могучего богатыря везет у стремени
булатного,
И у этого торока кониного».
350. Средняя дочь проговорит таково слово:
«Правду говоришь, моя сестра родная!
Едет родитель-батюшко,
Везет русского могучего богатыря
У этого у торока кониного,
У этого у стремени булатного».
Меньшая сестра говорит таково слово:
«Ай же вы, сестры мои родные!
Русский могучий богатырь едет,
Везет нашего родителя-батюшку
360. У этого у торока кониного,
У этого у стремени булатного».
Приехал ли старой казак Илья Муромец
Ко этой ли палаты богатырской,
Разгорелось его сердце богатырское.
Поднята у этих дочерей подворотня чугунная
Въехать бы туда русскому могучу богатырю
На широк туды ему на белой двор,
Чтобы умертвить его подворотней чугунною.
Как была-то у него ухватка богатырская,
370. Узнал он их намеры думные,
Что хотят оны умертвить
Русского могучего богатыря,
Осадил своего коня да богатырского
Своей назад уздой тесмяною;
Спустили подворотню ту чугунную.
Как была у него ухватка богатырская
В старом казаке Илье Муромце,
Илье Муромце сыне Ивановиче,
Ухватка была крестьянская:
380. Он въехал к ним на широкой двор,
Привязал своего коня богатырского,

- Ко этому столбу ко точеному,
 Ко этому кольцу к золоченому,
 Умертвил он его дочерей рожденных.
 И в этом покои белодубовом,
 Умертвил он и родных зятевей:
 Отрубил им буйны головы,
 Этим мечом богатырским.
 Он зрадовался старой казак Илья Муромец,
 390. Илья Муромец сын Иванович:
 «И я очистил дорогу ко городу ко Киеву,
 Ко солнышку князю да ко Владимиру».
 Приехал-то в город во Чернигов,
 Входит-то он в церковь в божий храм,
 Крест-от кладет по-писаному,
 Поклон-от ведет по-учёному,
 Иконам нерукотворным поклоняется:
 «Не исполнил старой казак Илья Муромец
 Заповеди я той да божией:
 400. Надо бы служить господу богу во храме молебн -
 Окровавлены руки да в человечесю кровь».
 Он поехал старой казак Илья Муромец,
 Он поехал к городу ко Киеву,
 Ко тому ль князю ко солнышку,
 Ко солнышку князю ко Владимиру.
 Приезжает он старой казак Илья Муромец,
 Отворяет он ворота да на пяту,
 Приезжает он на княжий двор,
 Привязал коня да богатырского,
 410. Приходит в палаты гряновитые,
 Крест-то кладет по-писа́ному,
 Да поклон ведет по-учёному,

69

- На две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
 И солнышку князю да ведь Владимиру
 Он-то делает поклон да ведь в особину.
 «Ай же ты, старой казак Илья Муромец,
 Илья Муромец да сын Иванович!
 А которой ты ехал да дороженькой?»
 Отвечал ли старой казак Илья Муромец,
 420. Илья Муромец да сын Иванович:
 «А ты сольнышко Владимир стольне-Киевской!
 А я ехал ли по городу по Крякову,
 И я ехал ли по Соловью Рахманову,
 И очистил вси пути дорожки широкы

И во всей ли то земли святорусскою».

Илья и Соловей разбойник

- Из того ли то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец.
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольней Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову —
У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным черно́,
А и черным черно́ как черна ворона;
10. Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как стал то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Ен подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
20. Й отворяли-то ворота во Чернигов-град
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
«А й же, мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою —
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да во стольний Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славный богатырь святорусский!
30. Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А и по той ли по дорожке прямоезжею,
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал.
Как у той ли то у грязи-то у Чернойей,
Да у той ли березы у покляпые,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сиди Соловей розбойник во сырóm дубу,
40. Сиди Соловей розбойник Оди́хманьев сын:
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ен кричит злодей розбойник по-звериному,

- Й от него ли то от по́свисту со́ловьяго,
 Й от него ли то от по́крыку звериного
 То все травушки-мура́вы уплетаются,
 Все лазуревы цветочки отсыпаются,
 Темны лесушки к земли вси приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертвы́ лежат.
 Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
 50. А окольной дорожкой цела тысяща».
- Он спустил добра́ коня да и богатырского,
 Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
 Его добрый конь да богатырский
 С го́ры на́ гору стал перескакивать,
 С холмы на́ холму стал перемахивать,
 Мелки реченьки, озера промеж ног спущал.
 Подъезжает он ко речке ко Смородинки,
 Да ко тоей он ко грязи он ко Черной,
 Да ко тою ко березы ко поклопяые
60. К то́му славному кресту ко Леванидову —
 Засвистал-то Со́ловей да й по-соло́вьему,
 Закричал злодей разбойник по-звериному,
 Так все травушки-муравы уплетались,
 Да лазуревы цветочки отсыпалися,
 Темны лесушки к земли вси приклонилися.
 Его добрый конь да богатырский
 А он на корзні́ (*так*) да потыкается;
 А й как старый-от казак да Илья Муромец
 Берёт плеточку шелко́вую в белу руку,
70. А он бил коня а по крутым ребрам;
 Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
 «Ах ты, волчья сыть, да й травяной мешок!»

72

- Аль ты итти не хошь, аль нести не мошь?
 Что ты на корзні́, собака, потыкаешься?
 Не слышал ли посвисту соло́вьего,
 Не сдыхал ли покрыку звериного,
 Не видал ли ты ударов богатырских».
- А й тут старой казак да Илья Муромец
 Да берет-то он свой ту́гой лук разрывчатый,
 80. Во свои берет во бёлы он во ручушки.
 Он тетивочку шелковеньку натягивал,
 А он стрелочку каленую накладывал,
 То он стрéлил в то́го Со́ловья разбойника —
 Ему выбил право око со косичею.
 Ен спустил-то Со́ловья да на сыру землю,

- Пристегнул его к правому ко стремечки булатному,
Ен повез его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнездышко́ повез да Соловьиное.
Во том гнездышке да Соловьиноем
90. А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых;
Бо́льша дочка эта смотрит в окошечко косе́вчато,
Говорит ёна да таковы слова:
«Едет-то наш батюшко чисты́м полем,
А сидит-то на добро́м кони,
Да везет ён мужичища деревенщину
Да у правого у стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
100. «Едет батюшко раздольцем чистым полем,
Да й везет он мужичища деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его ме́ньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичищо деревенщина,
Да й сидит мужик он на добро́м кони,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косичею».
110. Говорила-то й она да таковы слова:
«Ай же, мужевья наши́ любимыи!
Вы берите-тко рогатины звериныйи
Да бегите-тко в раздольце чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину».
Эти мужевья да их любимыи,
- Зятевья то-есть да Соловьиныи,
Похватали как рогатины звериныйи
Да й бежали-то оны да во чисто́ поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
120. Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же, зятевья мои любимые!
Побросайте-тко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину
В своё гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите ёго ествушкой сахарною,
Да вы пойте́ его питьецом медвянымим,
Да дарите ему да́ры драгоценные».

Эты зятевья да Соловьиныи

130. Побросали-то рогатины звериныи,
А й зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да Соловьиное;
Да й мужик-от деревенщина не слушается,
А он идет-то по славному чисту́ полю
Прямоезжею дорожкой в стольнёй Киев-град.
Ен приехал-то во славный стольнёй Киев-град,
А ко славному ко князю на ширóкой двор.
Ай Владимир князь он вышел со божьёй церкви,
Он пришел в полату белокаменну
140. Во столовую свою во горенку.
Оны сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старые казак да Илья Муромец
Становил коня да посерёд двора,
Сам идет он во полаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку;
На пятау он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал он по-писа́ному,
Вел поклоны по-учёному,
150. На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю́ Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенными.
Тут Владимир князь стал мо́лодца выпрашивать:
«Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый мо́лодец,
Тебе как то, молодца, да именём зовут,
Звеличают удало́го по отечеству?»
Говорил-то старые казак да Илья Муромец:
«Есть я славного из города из Муромля,

74

- Из того села да с Карачирова,
160. Есть я старые казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«А й же, старые казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Муромля,
И которою дороженькой ты ехал в стольнёй Киев-град?»
Говорил Илья он таковы слова:
«А й ты славные Владимир стольно-киевской!
Я стоял заутрену христовскую во Муромли,
А й к обеденки поспеть хотел я в стольнёй Киев-град —
170. То моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,

- Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
 Ехал мимо эту грязь да мимо Черную,
 Мимо славну реченьку Смородину,
 Мимо славную березу ту покляпую,
 Мимо славный ехал Леванидов крест».
 Говорил ему Владимир таковы слова:
 «Ай же, мужичищо деревенщина!
 Во глазах мужик да подлыгаешься,
 Во глазах мужик да насмехаешься!
180. Во глазах мужик да насмехаешься!
 Как у славного у города Чернигова
 Нагнанó тут силы много-множество;
 То пехотою никто да не прохаживал,
 И на добром коне никто да не проезживал,
 Туды серый зверь да не прорыскивал,
 Птица черный ворон не пролетывал;
 А у той ли то у Грязи-то у Черной,
 Да у славной у речки у Смородины,
 Ай у той ли у березы у покляпою,
190. У того креста у Леванидова
 Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын —
 То как свищет Соловей да по-соловьему,
 Как кричит злодей разбойник по-звериному,
 То все травушки муравы уплетаются,
 А лазуревы цветки прочь отсыпаются,
 Темны лесушки к земли все приклоняются,
 А что есть людей, то вси мертво лежат».
 Говорил ему Илья да таковы слова:
 «Ты Владимир князь, да стольнѣ-киевской!
200. Соловей разбойник на твоём дворе:
 Ему выбито ведь право око со косичею,
- И он ко стремени булатному прикованной».
 То Владимир князь-от стольнѣ-киевской
 Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
 Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
 То он шапочку соболью на одно ушко,
 Он выходит-то на свой-то на широкой двор
 Посмотреть на Соловья разбойника.
 Говорил-то ведь Владимир князь да таковы слова:
210. «Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
 Закрычи-тко ты, собака, по звериному».
 Говорил-то Соловей ему разбойник Одихмантьев сын:
 «Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
 А не вас-то я хочу да и послушати:

- Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
 Да его хочу-то я послушати».
- Говорил-то как Владимир князь да стольнё-киевской:
 «Ай же, старые казак, ты Илья Муромец!
 Прикажи-тко засвистать ты Со́ловью да й по-со́ловьему.
220. Прикажи-тко закрыть да по-звериному».
- Говорил Илья да таковы слова:
 «Ай же, Со́ловей разбойник Одихмантьев сын!
 Засвищи-тко ты во по́л-свисту со́ловьего,
 Закрычи-тко ты во по́л-крыку звериного».
- Говорил-то ему Со́ловей разбойник Одихмантьев сын:
 «Ай же, старые казак ты Илья Муромец!
 Мои раночки кровавы запечатались,
 Да не ходят-то мои уста сахарнии
 Не могу я засвистать да й по-со́ловьему
230. Закрычь-то не могу я по-звериному.
- А й вели-тко князю ты Владимиру
 Налить чару мни да зелена́ вина —
 Я повыпью-то как чару зелена вина
 Мои раночки кровавы порозойдутся
 Да й уста мои сахарни поросходятся,
 Да тогда я засвищу да по-со́ловьему,
 Да тогда я закрычу да по-звериному».
- Говорил Илья тот князю он Владимиру:
 «Ты Владимир князь да стольнё-киевской!
240. Ты поди в свою столовую во горенку,
 Наливай-ко чару зелена вина,
 Ты не малую стопу, да полтора ведра,
 Подноси-тко к Со́ловью к розбойнику».
- То Владимир князь да стольнё-киевской

- Он скоренько шел в столову свою горенку,
 Наливал он чару зелена́ вина,
 Да не малу он стопу, да полтора́ ведра,
 Разводил модами он стоялыма,
 Приносил-то ён ко Со́ловью розбойнику.
250. Со́ловей розбойник Одихмантьев сын
 Принял чарочку от князя он одной ручкой,
 Выпил чарочку ту Со́ловей одним духом.
 Засвистал как Со́ловей тут по-со́ловьему,
 Закрычал розбойник по-звериному:
 Маковки на теремах покривились,
 А око́ленки во теремах рассыпались
 От него от посвисту со́ловьего,

А что есть-то людишок, как вси мертвы́ лежат;
А Владимир князь-от стольнѣ-киевский
260. Куньей шубонькой он укрывается.
Ай тут старой-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он везет-то Соловья да в чисто́ поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцей-матерей,
Тебе полно-тко вдовить жен молодѣдых,
270. Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушок».
А тут Со́ловью ему й славу́ поют,
А й славу́ поют ему век-по́ веку.

Илья Муромец и Калин-царь

Как Владимир князь да стольнѣ-киевской
Порозгневался на старого казака Илью Муромца:
Засадил его во погреб во холодныи
На три-то году поры времени.
А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинокая.
Она видит: это дело есть не малое,
А что посадил Владимир князь да стольнѣ-киевской
Старого казака Илью Муромца

10. В тот во погреб во холодныи.
А он мог бы постоять один за веру за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборныи,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу королевичну.
Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаенных.
Приказала-то на погреб на холодныи
Да снести перины да подушечки пуховыи,
20. Одежала приказала снести теплыи,
Она ествушку поставить да хорошую,
И одежду сменять снова-наово
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир князь про то не ведаёт.
И воспылал-то тут собака Калин-царь на Киев-град,
И хотит ён розорить да стольний Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голову срубить
30. Да со той Опраксой королевичной.
Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольний Киев-град,
И дает ему ён грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
«Как поедешь ты во стольний Киев-град,
Будешь ты посланник в стольнѣм во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на него на широком дворе
И сойдешь как тут ты со добра коня,
40. Да й спушай коня ты на посыльной двор,
Сам поди-тко во полату белокаменну.
Да пройдешь полатой белокаменной,

- Да й войдешь в его столовую во горенку,
На пятую ты дверь да порозмахивай,
Не снимай-ко кивера с головушки.
Подходи-ко ты ко столику к дубовому,
Становись-ко супротив князя Владимира,
Полагай-ко грамоту на золот стол,
Говори-тко князю ты Владимиру:
50. Ты Вдадымир князь да стольнё-киевской,
Ты бери-тко грамоту посыльную,
Да смотри, что в грамоте написано,
Да гляди, что в грамоте да напечатано.
Очищай-ко ты все улички стрелецкии,
Все великие дворы да княженецкии;
По всему-то городу по Киеву,
А по всем по улицам широкиим
Да по всем-то переулкам княженецкиим
Наставь сладких хмельных напитков,
60. Чтоб стояли бочка о бочку близко-поблизку,
Чтобы было у чего стоять собаке царю-Калину
Со своими-то войскамы со великима
Во твоём во городе во Киеве».
То Владимир князь да стольнё-киевской
Брал-то книгу он посыльную,
Да и грамоту ту распечатывал
И смотрел, что в грамоте написано,
И смотрел, что в грамоте напечатано,
А что велено очистить улицы стрелецкии.
70. И большие дворы кряженецкие,
Да наставить сладких хмельных напитков,
А по всим по улицам широкиим

79

- Да по всем-то переулкам княженецкиим.
Тут Владимир князь да стольнё-киевской
Видит: есть это́ дело не малое,
А не мало дело-то, великое.
А сядил-то Владимир князь да на черленный стул
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
80. Дай-ко мне ты поры времячки на три году,
На три году дай и на три месяца,
На три месяца да ёще на три дня:
Мне очистить улицы стрелецкии,
Что великие дворы да княженецкии,
Накурить мне сладких хмельных напитков,

- Да й наставить по всему-то городу по Киеву,
 Да й по всем по улицам широким
 По всим славным переулкам княженецким».
 Отсылает эту грамоту повинную,
 Отсылает ко собаке царю-Калину;
 А й собака тот да Калин-царь
90. Дал ему он поры времячки на три́ году,
 На три го́ду дал и на три месяца,
 На три месца да ёще на три дня.
 Еще день за день ведь как дождь дождит,
 А неделя за неделей как река бежит,
 Прошло поры-времячки да три году,
 А три году да три месяца,
 А три месяца и ёще три-то дня.
100. Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
 Он подъехал ведь под Киев-град
 Со своими со войскамы со великима.
 Тут Владимир князь да стольнё-киевской
 Он по горенки да стал похаживать,
 С ясных очушок он ронит слёзы ведь горючии,
 Шелковы́м платком князь утирается.
 Говорит Вдадымир князь да таковы слова:
 «Нет жива́-то старого каза́ка Ильи Муромца,
 Не́кому стоять теперь за веру, за отечество,
110. Не́кому стоять за церкви ведь за божии,
 Не́кому стоять-то ведь за Киев-град,
 Да ведь некому сберечь князя́ Владимира
 Да и той Опраксы королевичной».
 Говорит ему любима дочь да таковы слова:
 «Айты, батюшко Владимир, князь наш стольнё-киевской!

- Ведь есть жив-то старые казак да Илья Муромец,
 Ведь он жив на погребе холодном».
 Тут Владимир князь-то стольнё-киевской,
 Он скорешенько берет да золоты ключи
120. Да идет на погреб на холодныи.
 Отмыкает он скоренько погреб да холодныи,
 Да подходит ко решеткам ко железным.
 Растворил-то он решетки да железныи:
 Да там старые казак да Илья Муромец
 Он во погребе сидит-то, сам не ста́рится;
 Там перинушки-подушечки пуховыи,
 Одеяла снёсены там теплыи,
 Ествушка поставлена хорошая,

- А одежица на нем да жи́вет сменная.
130. Он берет его за ручушки за белые
За его за перстни за злаченные,
Выводил его со погреба холодного,
Приводил его в полату белокаменну,
Становил-то он Илью да супроти́в себя,
Целовал в уста его сахарнии,
Заводил его за столики дубовьи,
Да садил Илью-то ён подли́ себя,
И кормил его да ествушкой сахарнею,
Да поил-то пи́тьцем медвяным,
140. И говорил-то он Илье да таковы слова:
«Ай же, старые казак да Илья Муромец!
Наш-то Киев-град нынь в полону стоит,
Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своима со войскамы со великима.
А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи́ церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Опраксу королевичну».
150. Так тут старые казак да Илья Муромец
Выходил он со полаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою полату белокаменну,
Да спросил-то как он па́робка любимого.
Шел со паробком да со любимым
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшенку в стоялюю,

81

- Посмотрел добра коня он богатырского.
Говорил Илья да таковы слова:
160. «Ай же ты, мой паробок любимьи,
Верный ты слуга мой безыменни,
Хорошо держал моёго коня ты богатырского!»
Целовал его он во уста сахарнии,
Выводил добра́ коня с конюшенки стоялыми
А й на тот на славный на широкий двор.
А й тут старые казак да Илья Муромец
Стал добра́ коня он тут заседлывать:
На коня накладывать потничек,
А на потничек накладывает войлочек.
170. Потничек он клал да ведь шелковенькой,
А на потничек подкладывал подпотничек,

- На подпотничек седелко клал черкасское,
А черкасское седёлышко не держано,
И подтягивал двенадцать подпругов шелко́вых
И шпилёчки он втягивал булатнии,
А стремяночки подкладывал булатнии,
Пряжечки подкладывал он красна золота,
Да не для красы угожества,
Ради крепости все богатырскойей:
180. Еще подпруги шелковы тянутся, да о́ни не́ рвутся,
Да булат железо гнется, не ломается,
Пряжечки ты красна золота —
Они мокну́т, да не ржавеют.
И сядилсЯ тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырскии:
Во-первы́х, брал палицу булатную,
Во-вторых, брал копье боржамецкое,
А ёще брал сво́ю саблю вострую,
А йще брал шалыгу подорожну́ю
190. И поехал он из города из Киева.
Выехал Илья да во чисто́ поле,
И подъехал он ко войскам ко татарскимим,
Посмотреть на войска на татарскии:
Нагнанó-то силы много множество,
Как от покрыку от человечьего,
Как от ржания лошадиного
Унывает сердце человеческо.
Тут старые казак да Илья Муромец,
Он поехал по раздольицу чисту́ полю —
200. Не мог ко́нца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую,
Ко́нца-краю силы насмотреть не мог.
И повыскочил он на́ гору на дру́гую,
Посмотрел на все на три-четыре стороны,
Ко́нца-краю силы насмотреть не мог.
Он спустился со той со горы со высокии,
Да он ехал по раздольцу чисту́ полю.
210. И повыскочил на третью гору на высокую
Посмотрел-то под восточную ведь сторону:
Насмотрел он под восточной ведь стороной,
Насмотрел он там шатры́ белы
И у белых шатров-то кони богатырскии.

- Он спустился с той с горы высокии
И поехал по раздольицу чисту́ полю.
Приезжал Илья к шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра́ коня,
Да у тех шатров у белых.
220. А там сто́ят кони богатырскии,
У того ли по́лотна сто́я́т у белого,
Они зоблю́т-то пшени да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
«Поотведать мне-ка счастья великого».
Он накинуд поводы шелко́выи
На добра́ коня да й богатырского,
Да спустил коня к полотну ко белому:
«А й допустят ли-то кони богатырскии
Моего коня да богатырского
230. Ко тому ли по́лотну ко белому
Позобать пшени да белоярову?»
Его добрый конь идет-то грудью к по́лотну,
А идет зобать пшени да белоярову;
Старые казак да Илья Муромец
А идет ён да во бел шатёр.
Приходит Илья Муромец во бел шатёр;
В том бело́м шатри двенадцать-то богатырей,
И богатыри всё святорусьскии.
Они сели хлеба-соли кушати,
240. А и сели-то они да пообедати.
Говорит Илья да таковы слова:
«Хлеб да соль, бога́тыри да святорусьскии,
- А и крестный ты мой батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!»
Говорит ему да крестный батюшка:
«Ай поди ты, крестничек любимыи,
Старые казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати».
И он выстал ли да на резвы́ ноги,
250. С Ильей Муромцом да поздоровкались,
Поздоровкались они да целовались.
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати,
Их двенадцать-то бога́тырей,
Илья Муромец да он тринадцатый.
Оны поёли, попи́ли, пообедали,
Выходили з-за стола из-за дубового,

- Оны господу богу помолилися.
 Говорил им старые казак да Илья Муромец:
260. «Крестный ты мой батюшка, Самсон Самойлович,
 И вы, русские могучии богатыри!
 Вы седлайте-тко добрых коней,
 А й садитесь вы да надобрых коней,
 Поезжайте-тко да во роздольице чисто поле,
 А й под тот под славный стольный Киев-град:
 Как под нашим-то под городом под Киевом
 А стоит собака Калин-царь,
 А стоит со войскамы великима,
 Разорить хотит ён стольный Киев-град,
270. Чернедь-мужик он всех повырубить,
 Божьи церкви все на дым спустить,
 Князю-то Владимиру да со Опраксой королевичной
 Он срубить-то хочет буйны головы.
 Вы постоит-тко за веру, за отечество,
 Вы постоит-тко за славный стольный Киев-град,
 Вы постоит-тко за церкви ты за божию,
 Вы поберегите-тко князя Владимира,
 И со той Опраксой королевичной!»
 Говорит ему Самсон Самойлович:
280. «Ай же крестничек ты мой любимыи,
 Старые казак да Илья Муромец!
 А й не будем мы да и коней седлать,
 И не будем мы садиться на добрых коней,
 Не поедем мы во славно во чисто поле,
 Да не будем мы стоять за веру за отечество,

84

- Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
 Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
 Да не будем мы беречь князя Владимира
 Да еще с Опраксой королевичной:
290. У него ведь есте много да князей-бояр,
 Кормит их и поит, да и жалует,
 Ничего нам нет от князя от Владимира».
 Говорит да старые казак да Илья Муромец:
 «Ай же ты, мой крестный батюшка,
 А й Самсон да ты Самойлович!
 Это дело у нас будет нехорошее:
 Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
 Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит,
 Да он божьи церкви все на дым спустит,
300. Да князю Владимиру с Опраксой королевичной

А он срубит им да буйные головушки.
Вы седлайте-тко добрых коней,
И садитесь-ко вы на добрых коней,
Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град,
И постойте вы за церкви-ты за божию,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксою королевичной».

310. Говорит Самсон Самойлович да таковы слова:
«Ай же крестничек ты мой любимыи,
Старые казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем мы беречь князя Владимира
320. Да еще с Опраксою королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
Говорит-то старые казак да Илья Муромец:
«Ай же ты, мой крестный батюшка,
Ай Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее!
Вы седлайте-тко добрых коней

85

- И садитесь-ко вы на добрых коней,
330. Поезжайте-тко в чисто поле под Киев-град,
И постойте вы за веру, за отечество,
И постойте вы за славный стольный Киев-град,
И постойте вы за церкви-ты за божию,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той с Опраксою королевичной».
Говорит ему Самсон Самойлович:
«Ай же крестничек ты мой любимыи,
Старые казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
340. И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедем мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,

- Да не будем мы стоять за матушки божьи церкви,
Да не будем беречь князя Владимира
Да еще с Опраксой королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр,
Кормит их и поит да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира».
350. А й тут старые казак да Илья Муромец
Он как видит, что дело́ ему не полюби,
А й выходит-то Илья да со белá шатра,
Приходит к добру́ коню, да богатырскому.
Брал его за поводы шелко́выи,
Отводил от по́лотна от белого,
А от той пшены от белояровой,
Да садился Илья на добра́ коня.
То он ехал по раздольицу чисту полю
И подъехал ко во́йскам ко татарскиим.
360. Не ясён сокол да напускает на гусей на лебедей,
Да на малых перелётных на серых утушек, —
Напускает-то бога́тырь святорусьские
А на ту ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского,
Да поехал ли по той силушке татарскойей:
Стал он силушку конём топтать,
Стал конём топтать, копьём колоть,
Стал он бить ту силушку великую —
А он силу бьет будто́ траву косит.
370. Его добрый конь да богатырский
Испровещился язы́ком человеческим:
- «Ай же, славный богатырь святорусьский!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великии:
Нагнанó у собаки царя-Калина,
Нагнанó той силы много множество,
И у него есте сильнии бога́тыри,
Паляницы есте да удалыи.
У него собаки ца́ря-Калина
380. Сделаны-то трои ведь подкопы да глубокие
Да во славном, раздольице чистом поле.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту́ полю,
Будешь бить-то силу ту великую,
Как просядем мы в подкопы во глубокии,
Так из первых подкопов я повыскочу,
Да тебя оттуль-то я повыздыну;

- Как просядем мы в подкопы-то во дру́гии
И оттуль-то я повыско́чу,
И тебя оттуль-то я повыздыну;
390. Еще в третии подкопы во глубокии,
А ведь тут-то я повыскочу,
Да оттуль тебя-то не повыздыну —
Ты останешься в подкопах во глубокиих».
А еще старые казак да Илья Муромец
Ему дело-то ведь не слюбилося,
И берет он плётку шелкову в белы́ руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам.
Говорил ён ко́ню таковы слова:
«Ай же ты, собачище изменное!
400. Я тебя кормлю-пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поли,
Да во тых подкопах во глубокиих!»
И поехал Илья по раздольицу чисту́ полю
Во тую́ во силушку великую.
Стал конем топтать да и копьём колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит,
У Ильи-то сила неумёньшится;
Й он просел в подкопы во глубокии —
Его добрый конь оттуль повыскочил,
410. Он повыскочил, Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту́ полю,
Во тую́ во силушку великую.
Стал конём топтать да и копьём колоть,
- И он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне́ сидит Илья не старится.
Й он просел с конем да с богатырским,
Он попал в подкопы-ты во дру́гии —
420. Его добрый конь оттуль повыскочил
Да Илью оттуль повыздынул.
Й он спустил коня да богатырского
По тому раздольицу чисту́ полю,
Во тую́ силушку великую.
Стал конем топтать да и копьём колоть,
Й он бьет-то силу, как траву косит;
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.
Он попал в подкопы-ты во третьии,

430. Он просел с конём в подкопы-ты глубокии —
 Его добрый конь да богатырский
 Ещё с третьих подкопов он повыскачил,
 Да оттуль Ильи он не повыздынул:
 Столзанул¹ Илья да со добра коня
 Й оставался он в подкопе во глубоком.
 Да пришли татара-то поганьи
 Да хотели захватить они добра коня:
 Его конь-то богатырский
 Не сдается им во белы руки —
440. Убежал-то добрый конь да во чисто поле.
 Тут пришли татара-то поганьи,
 А нападали на старого казака Илью Муромца,
 А й сковали ему ножки резвыи,
 И связали ему ручки белыи.
 Говорили-то татары таковы слова:
 «Отрубить ему да буйну головушку».
 Говорят ины татары таковы слова:
 «А й не надо рубить ему буйной головы,
 Мы сведём Илью к собаке царю-Калину,
 450. Что он хочет, то над ним и сделает».
 Повели Илью да по чисту полю,
 А ко тым палаткам полотняным.
 Приводили ко полатке полотняной,
 Привели его к собаке царю Калину,
 Становили супротив собаки царя-Калина.

88

- Говорили татара таковы слова:
 «Ай же ты, собака да наш Калин-царь!
 Захватили мы да старого казака Илью Муромца
 Да во тых-то во подкопах во глубоких
460. И привели к тебе, к собаке царю-Калину:
 Что ты знаешь, то над ним и делаешь».
 Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
 «Ай ты, старые казак да Илья Муромец!
 Молодой щенок да напустил на силу на великую,
 Тобе где-то одному побить моя сила великая!
 Вы роскуйте-тко Илье да ножки резвыи,
 Розвяжите-тко Илье да ручки белыи».
 И росковали ему ножки резвые,
 Розвязали ему ручки белыи.
470. Говорил собака Калин-царь да таковы слова:

¹ Соскользнул

«Ай же, старые казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол,
Ешь-ко ествушку мою сахарною,
Да и пей-ко мои питыца медвяныи,
И одень-ко ты мою одежду драгоценную,
И держи-тко² мою золоту казну,
Золоту казну держи понадобью —
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю-Калину».

480. Говорил Илья да таковы слова:
«А й не сяду я с тобой да за единый стол,
Не буду́ есть твоих ествушек сахарниих,
Не буду́ пить твоих питьецов медвяных,
Не буду́ носить твоей одежи драгоценныи,
Не буду́ держать твоей бессчетной золотой казны,
Не буду́ служить тебе собаке царю-Калину,
Еще буду́ служить я за веру, за отечество,
А й буду́ стоять за стольний Киев-град,
А буду́ стоять за церкви за господнии,
490. А буду́ стоять за князя за Владимира
И со той Опраксой королевичной».
Тут старой казак да Илья Муромец,
Он выходит со полатки полотняной,
Да ушел в раздольице в чисто поле.
Да теснить стали его татары-то поганьи,
Хотят обневолить они старого казака Илью Муромца.

89

- А у старого казака Ильи Муромца
При соби да не случилось-то доспехов крепких —
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.
500. Старые казак да Илья Муромец,
Видит ён — дело не малое:
Да схватил татарина ён за ноги,
Тако стал татарин помахивать,
Стал ён бить татар татарин,
И от него татары стали бегати,
И прошел ён сквось всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чисто поле,
Да он бросил-то татарина да в сторону.
То идет он по раздольице чисто полю —
510. При соби-то нет коня да богатырского,
При соби-то нет доспехов крепких.

² Расходуй

- Засвистал в свисток Илья он богатырский,
Услыхал ёго добрый конь да во чистом поле,
Прибежал он к старому казаку Илье Муромцу.
Еще старые казак да Илья Муромец
Как садится он да на добра коня
И поехал по раздольицу чисту полю.
Выскочил он да на гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную он сторону.
520. А й под той ли под восточной под сторонушкой
А й у тых ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырский.
А тут старый-от казак Илья Муромец
Опустился ён да со добра коня,
Брал свой тугой лук разрывчатой в белы ручки,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил он стрелочку каленую,
Й он спускал ту стрелочку во белый шатёр.
Говорил Илья да таковы слова:
530. «А лети-тко, стрелочка каленая,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатёр.
Да сыми-тко крышу со белá шатра,
Да пади-тко стрелка на белы груди,
К моему ко батюшке ко кресному,
И проголзни-тко по груди ты по белыи,
Сделай-ко ты сцапину да маленьку,
Маленькую сцапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлажается,
А мне здесь-то одному да мало можется».
540. Й он спустил как эту тетивочку шелковую,
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатёр:
Она сняла крышу со белá шатра,
Пала она, стрелка, на белы груди,
Ко тому ли-то Самсону ко Самойловичу,
По белой груди ведь стрелочка проголзнула,
Сделала она да сцапинку-то маленьку.
А й тут славный богатырь святорусьский
550. Ай Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пороскинул свои очи ясные:
Да как снята крыша со белá шатра,
Пролетела стрелка по белой груди,

- Она сцапиночку сделала на белой груди.
 Й он скорешенько встал на резвы́ ноги,
 Говорил Самсон да таковы слова:
 «Ай же, славные мои богатыри вы святоруськии,
 Вы скорешенько седлайте-тко добрых коней,
 560. Да садитесь-тко вы на добрых коней!
 Мне от крестничка да от любимого
 Прилетели-то подарочки да не любимыи:
 Долетела стрелочка каленая
 Через мой-то славный белый шатёр,
 Она крышу сняла ведь да со бела́ шатра,
 Да проголзнула-то стрелка по белой груди,
 Только малую сцапинку-то дала, не великую;
 Погодился мне Самсону крест на воротаи,
 570. Крест на воротаи шести пудов, —
 Есть бы не был крест да на моёй груди,
 Оторвала бы мне буйну голову».
 Тут богатыри все святоруськии
 Скоро ведь седлали да добрых коней,
 И садились молодцы да на добрых коней,
 И поехали раздольцем чистым полем
 К тому ко городу ко Киеву,
 Ко тым они ко силам ко татарскиим.
 А со той горы да со высокои
 580. Усмотрел ли старые казак да Илья Муромец:
 А то едут ведь богатыри чистым полем,
 А то едут ведь да на добрых конях.
 И спустился ён с горы высокии
- И подъехал ён к богатырям ко святоруськиим:
 Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.
 И приехали они к силушке татарской,
 Припустили коней богатырскиих,
 Стали бить-то силушку татарскую —
 Притоптали тут всю силушку великую,
 590. И приехали к полатке полотняной:
 А сидит собака Калин-царь в полатке полотняной.
 Говорят-то как богатыри да святоруськии:
 «А срубить-то буйную головушку
 А тому собаке царю-Калину».
 Говорил старой казак да Илья Муромец:
 «А почто срубить ему да буйную головушку?
 Мы свезём-тко его во стольний Киев-град
 Да й ко славному ко князю ко Владимиру».

Привезли его собаку царя-Калина
600. А во тот во славный Киев-град
Да́ ко славному ко князю Владимиру.
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.
То Владимир князь да стольнё-киевской
Он берет собаку за белы́ руки
И садил его за столики дубовыи,
Кормил его ествушкой сахарною,
Да поил-то питьецом медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
610. «Ай же ты, Владимир князь да стольнё-киевской,
Не сруби-тко ты мне буйной го́ловы!
Мы напишем про́меж собой записи великии:
Буду тебе пла́тить дани веки-по́веку,
А тебе-то князю я Владимиру»!
А тут той старинке и славу́ поют,
А по тых мест старинка и покончилась.

Илья Муромец в ссоре со Владимиром

Славные Владимир стольнѣ-киевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многѣх князей и бояров,
Славных сильных могучиих богатырей;
А на пир ли-то он не позвал
Старого казака Ильи Муромца.
Старому казаку Илье Муромцу
За досаду показала-то великую,
И он не знает что ведь сделати

10. Супротив тому князю Владимиру.
И он берет-то как свой тугой лук разрывчатый,
А он стрелочки берет каленны,
Выходил Илья да на Киев-град
И по граду Киеву стал он похаживать,
И на матушки божьи церкви погуливать.
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он золочены вси повистрелял.
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громки голосом:
20. «Ай же, пьяницы вы голюшки кабацкии!,
Да й выходите с кабаков домов питейных
И обирайте-тко вы маковки золочены,
То несите в кабаки в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
Там доносят-то ведь князю да Владимиру:
«Ай Владимир князь да стольнѣ-киевской!
А ты ешь да пьешь да на честном пиру,

93

- А как старой-от казак да Илья Муромец
Ен по городу по Киеву похаживат,
30. Ен на матушки божьи церкви погуливат,
На божьих церквах кресты повыломил,
А все маковки он золочены повистрелял;
А й кричит-то ведь Илья он во всю голову,
Во всю голову кричит он громким голосом:
Ай же, пьяницы вы голюшки кабацкии!
Да й выходите с кабаков домов питейных
И обирайте-тко вы маковки да золочены,
То несите в кабаки в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».
40. Тут Владимир князь да стольнѣ-киевской
И он стал Владимир дума думати:
Ему как-то надобно с Ильею да помириться.

- И завел Владимир князь да стольнё-киевской,
 Он завел почестен пир да и на дру́гой день,
 Тут Владимир князь да стольнё-киевской,
 Да ще он стал да и дума думати:
 «Мне кого послать будёт на пир позвать
 Того старого казака Илью Муромца?
 Самому пойти мне-то Владимиру не хочется,
 50. А Опраксия послать, то не к лицу идет».
- И он как шел-то по столовой своей горенке,
 Шел-то он о стодики дубовыи,
 Становился супротів молодого Добрынюшки,
 Говорил Добрыни таковы слова:
 «Ты молодёнькой Добрынюшка, сходи-тко ты
 К старому каза́ку к Илье Муромцу,
 Да зайди в полаты белокаменны,
 Да пройди-тко во столовую во горенку,
 На пятю́-то дверь ты порозмахивай
60. Еще крест клади да й по-писа́ному,
 Да й поклон веди-тко по-учёному,
 А й ты бей челом да низко кланяйся,
 А й до тых полов и до кирпичных,
 А й до самой матушки сырой земли,
 Старому каза́ке Илье Муромцу,
 Говори-тко Илье ты да таковы слова:
 Ай ты, старые казак да Илья Муромец!
 Я пришел к тебе от князя от Владимира
 И от Опраксии от королевичной,
- 70 Да пришел тебе позвать я на почестен пир».

94

- Молодой Добрынюшка Микитинец
 Ён скорешенько-то стал да на резвы́ ноги,
 Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
 Да он шапочку соболью на одно ушко,
 Выходил он со столовую со горенки,
 Да й прошел полатой белокаменной.
 Выходил Добрыня он на Киев-град,
 Ён пошел-то как по городу по Киеву,
 Пришел к старому каза́ке к Илье Муромцу
80. Да в его полаты белокаменны.
 Ён пришел как во столовую во горенку,
 На пятю́-то он дверь да порозмахивал,
 Да он крест-то клал да по-писа́ному,
 Да й поклоны вел да по-ученому,
 А ще бил-то он челом да низко кланялся,

- А й до тых полов и до кирпичных,
Да й до самой матушки сырой земли.
Говорил-то он Ильи да таковы слова:
90. «Ай же, братец ты мой да крестовый,
Старые казак да Илья Муромец!
Я к тоби послан от князя от Владимира,
От Опраксы королевичной,
А й позвать тебя да й на почестен пир».
Еще старый-то казак да Илья Муромец,
Скорешенько ставал он на резвы́ ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Да он шапоньку соболью на одно ушко,
Выходили со столовыи со горенки,
Да прошли они палатой белокаменной,
100. Выходили-то они на стольний Киев-град,
По́шли оны ко́ князю к Владимиру
Да й на славный-то почестен пир.
Там Владимир князь да стольнё-киевской
Он во горенки да ведь похаживал,
Да в окошечко он, князь, посматривал,
Говорит-то со Опраксой королевичной:
«Подойдут ли ко́ мне как два русских богатыря
Да на мой-то славный на почестен пир»!
И прошли они в палату в белокаменну,
110. И взошли они в столовую во горенку.
Тут Владимир князь да стольнё-киевской
Со Опраксией да королевичной
Подошли-то они к старому казаке к Илье Муромцу,

95

- Они брали-то за ручушки за белыи,
Говорили-то они да таковы слова:
«Ай же, старые казак ты Илья Муромец!
Твоё мѣстечко было́ да ведь пониже всех,
То́перь мѣстечко за столиком повыше всех,
Ты садись-ко да за столик за дубовый».
120. Тут кормили его ествушкой сахарнею,
А й поили питьецом медвянным.
Они тут с Ильей и помирились.

96

Илья и сын

- Да на наше на село на прекрасное,
На стольнёй-от город на Киев-град,
Наезжал молодой младой Соловников,
А з-за того за славна за синя́ моря,
Выпрашиват себе он поединщика:
«Да ай же ты, да князь стольнё-киевской!
А дай-ко мне-ка ты да поединщика.
Как ежели как не даёшь как мне,
А й то ведь ваш стольний Киев-град
10. Да я с конца его зажгу,
Головнёй покачу».
Как тут уж князь стольнё-киевской,
А шел-то он на выходы высокие,
А закрычал он князь во всю голову:
«Да ай же вы, русийски все могучии богатыри!
А подите-тко на думушку великую,
А ко стольнёму-то князю к Володимеру».
Как услышал-то ведь уж этот кряк
А старыи казак Илья Муромец,
20. Как скоро тут Ильюшенка справляется,
А скоро старичок снаряжается.
А приходит Илья тут да Муромец,
Идет тут Илья он по новы́м сеням,
Как по тыи по гридни по столовыи,
Идет он старик, сам шатается,
А ступеньки-мостинки подгибаются.
Как приходит Илья тут Муромец,

97

- Мозги в головы потрясаются.
А со ясных очей еще вид теряется».
Как тут ёго слуги ты верныи
Поехали туды оны с известьицем,
Как со тым известьицем нерадостным.
Как тут старой тот казак Илья Муромец
120. Опять-то он приправливал добра́ коня
На того на мла́да на Соловника.
Как ударил он Соловника тут в голову
Палицей своёй богатырскою:
А сидит-то что Соловников, не стряхнется,
Опять желтыи кудёрка не сворохнутся.
Как тут-то Илья он удержал коня,
Как говорит тут Илья таково слово:
«Да ай же ты, удалой доброй молодец,

- Да полно е нам да биться ратиться.
130. А лучше мы еще, доброй молодец,
Опустимся мы нунь со добрых коней,
Станем нунь биться рукопашкою».
Как тут-то ведь спускалися оны с добрых коней
А на тую-то матушку сырую землю,
Пошли-то оны биться рукопашкою.
Как тут-то разошлись, разбежались,
Ильюшенка да был он свычен-то,
А свычен-то Ильюшенка, догадлив он,
Как скоро обскочил на-окол его,
140. Ударил-то ведь всутыч да во шею-то,
Молода ударил он Соловника,
Как сбил тут ёго да на сыру землю,
Как сел тут Ильюшенка Муромец,
А сел-то к ёму на белую грудь,
А выдернул ножицо сам кинжалицо,
Занёс тут Ильюшенка праву руку,
А на того на млада на Соловника,
Тут рука в плечи застояласи.
Как начал тут Ильюшенка допрашивать,
150. Как начал тут Ильюшенка выведывать:
«Да ай же ты, удалой доброй молодец!
Ты скажи, скажи, не утай себя,
Отца ли ты есть, ли царевич был,
Ли короля ли ты еще королевич был?
А ты скажи, скажи, да коей орды,
Ты еще скажи мне да был коей земли?»

100

- Как говорит Соловник таково слово:
«Ах ты, старая собака, седатый пёс!
Как ты нонь надо мною насмехаешься.
160. Как был бы я у ты на белой груди,
Да не спрашивал бы у ты ни имени,
Не спрашивал бы у ты ни изотчины,
Прямо бы пластал я ти белую грудь».
Занес опять Ильюшенка вострой-то нож,
Вострой-от нож занёс да праву руку,
Да рука в плечи тут застояласи.
Как начал тут Ильюшенка допрашивать:
«Ай же ты, удалой доброй молодец,
А ты скажи, скажи, не утай себя,
170. Коей-то ты орды есть, коей земли,
А коего отца да коей матушки?

- Царь ли ты ведь был зде, царевич ли,
Король ли ты был, королевич здесь?»
Говорит он тут таково слово:
«Ах ты, старая собака, седатый пёс!
Нонь ты надо мной насмехаешься,
Сидишь ты на моей на белой груди,
Был бы я у ты на белой груди,
Не спрашивал бы у ты ни имени,
180. Не спрашивал у ты бы ни изотчины,
Прямо бы пластал я тебе белу грудь».
Занес опять Ильюшенка вострой-от нож,
Вострой-от нож занес, свою праву́ руку,
Да рука тут в плечи да застояласи.
А начал тут Ильюша он доспрашивать:
«Ай же, удалой доброй молодец!
А ты скажи, скажи, не утай себя,
Коей ты орды есть, коей земли,
А коёго отца, да коей матушки?
190. Царь ли ты ведь был зде, царевич ли?
Король ли ты был, королевич здесь».
Как начал он затым ему высказывать:
«Ах ты, старая собака, седатый пёс!
Как был бы я у ты на белой груди,
Не спрашивал у ты бы ни имени,
Не спрашивал у ты бы ни изотчины,
Прямо бы пластал я тебя белу грудь!
Когда начал ты ведь нунь выпрашивать,
Когда начал нунь ты ведь доведывать,
200. Как я тебе скажу нунь поросскажу:
Есть-то я з-за славна з-за синя́ моря,
А есть-то молодой младой Соловников,
А есть-то я от матушки Натальюшки,
А ведь батюшка не знаю я какой-то был».
Скочил тут Илья на резвы́ ноги,
Задымает он за рученьки за белыи:
«Ах ты, молодой младой Соловников,
Да ах же ты ведь сын мой любимыи!
Как полно е нам биться ратиться,
210. Лучше мы с тобой поедим, попьем».
Как сели тут оны, поели, попили, покушали,
Белые лебёдушки порушали.
Как тут-то Ильюшенка спать да лег,
А спит он молодец, проклаждается,

- Над собой невзгодушки не ведает.
Как этот молодой младой Соловников,
Как скоро сам с собой думу думает,
Как скоро натянул он свой тугой лук,
А кладывае стрелочку каленую,
220. Как скоро он стрелил еще Илью в белую грудь:
Как тут еще Илье не к суду пришло,
Как был тут у Ильи да золот крест,
А золот крест он был три пуда есть.
Как ото сна богатырь пробуждается,
Сам на улочку он тут пометається.
Как выскакал он в тонких белых чулочках без чоботов,
А в тонких белые рубашки сам без пояса,
Хватил-то он Соловника ёго-то за желты кудри,
Как бросил тут его он о сыру землю.
230. Как вывернул ножищо он кинжалищо.
Как тут рука в плечи не застояласи,
Скоро он пластал ёму белую грудь,
Как вынимал сердечко тут со печенью,
Россек его на четыре на часточки
А раскидал ёго по чисту полю.
Только-то й Соловинку славы поют,
А Ильина-та слава не минуется,
Отныне-то век-повеку поют его Ильюшенку.

Илья Муромец и Идолище

- Как сильное могуче-то Иванищо,
Как он Иванищо справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Итти к городу еще Еросолиму,
Как господу там богу помолитися,
Во Ёрдань там реченьки купатися,
В кипарисном деревци сушитися,
Господнѣму да гробу приложитися.
А сильное-то могучо Иванищо,
10. У ёго лапотци на ножках семи шелков,
Клюша-то у его ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотцы поплѣтены
Каменья-то были самоцветныи.
Как межѣнный день да шел он по красному солнышку,
В осенну ночь он шел по доро́тому камению
самоцветному.
- Ино тут-то сильное могучее Иванищо
Сходил к городу еще Еросолиму,
Там господу-то богу он молился есть,
Во Ёрдань-то реченьки купался он,
20. В кипарисном деревци сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он Иван поворот держал.
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град.
Как тут было еще в Цари-гради
Наехало погано тут Идолище,
Одолели как поганы вси татарева,
- Как скоро тут святые образа были поколоты;
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьих-то церквах он начал тут коней кормить...
30. Как это сильно могуче тут Иванищо
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чисто поле,
А начал у поганого доспрашивать:
«Ай же ты, татарин, да неверный был,
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли он ростом собой да был?»
Говорил татарин таково слово:
«Как есть у нас погано есть Идолище,
40. В долину две сажени печатанных,
А в ширину сажень была печатная,

- А голови́ще что ве́дь люто лоха́лище,
 А глази́ща что пивныи чаши́ща,
 А нос-от на ро́же он с локоть бы́л».
 Как хва́тил-то он тата́рина тут за руку,
 Бро́сил он ё́го в чисто по́лѣ —
 А розлетелись у тата́рина тут косточки.
 Пошел-то тут Ива́нищо впе́ред о́пять.
 Идет он пу́тем да доро́жкой,
50. Навстре́чу тут ему да стре́чается
 Ста́рый каза́к Илья́ Му́ромец:
 «Здра́вствуй-ко ты, ста́рый каза́к Илья́ Му́ромец!»
 Как он его ве́дь тут е́ще здра́вствует:
 «Здра́вствуй, си́льноё мо́гуче ты Ива́нищо!
 Ты отку́ль иде́шь, ты отку́ль бре́дешь,
 А ты отку́ль е́ще сво́й да пу́ть де́ржишь?»
 «А я бре́ду, Илья́ е́ще Му́ромец,
 От того́ я го́рода Е́росо́лима.
 Я там бы́л ино́ господу́ бо́гу моли́лся там,
60. Во Ё́рдань-то рече́ньки купа́лся там,
 А в кипари́сном дере́вци су́шился там,
 Ко госпо́дному гробу́ прило́жился бы́л.
 Как ско́ро я наза́д тут пово́рот де́ржал,
 Шел-то я наза́д ми́мо Ца́рь-от-гра́д».
 Как нача́л тут Илью́шенка до́спрашива́ть,
 Как нача́л тут Илью́шенка до́ведыва́ть:
 «Как все́ ли-то в Ца́ри-гра́ди по-ста́рому,
 Как все́ ли-то в Ца́ри-гра́ди по-пре́жнему?
 А го́ворит тут Ива́н тако́во сло́во:
70. «Как в Ца́ри-гра́ди-то ну́нчу не по-ста́рому,
 В Ца́ри-гра́ди-то ну́нчу не по-пре́жнему.
 Одо́лели е́сть по́ганьи ха́ны,
 Наеха́л е́сть по́ганое Идо́лище.
 Святы́и о́браза бы́ли по́кóлоты,
 В че́рные гря́зи бы́ли по́топтаны,
 Да во бо́жьих це́рквах там ко́ней ко́рмят».
 «Дура́к ты, си́льноё мо́гуче е́сть Ива́нищо!
 Си́лы у те́бя е́сте с два́ меня́,
 Сме́лости, ухва́тки по́ловинки не́т.
80. За пе́рвые бы́ речи́ те́бя жа́ловал,
 За э́ты бы́ те́бя й на́казал
 По то́му-то те́лу по на́гому!
 За́чем же ты не вы́ручил Ца́ря-то Ко́стянти́на
 Боголю́бова?

- Как ино скоро розувай же с ног,
Лапотци розувай семи шелков,
А обувай мои башмачики сафьяныи,
Сокручуся я каликой перехожею».
Сокрутился е каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
90. «На-ко, сильное могуче ты Иванищо,
А на-ко ведь моего ты да добра коня!
Хотя ты езд, хоть водком води,
А столько еще, сильное могуче ты Иванищо,
Живи-то ты на уловном³ этом местечки.
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюды буду я обратно бы.
Давай сюды клюшу-то мне-ка сорок пуд».
Не дойдет тут Ивану разговаривать,
Скоро подават ему клюшу свою сорок пуд,
100. Взимат-то он от его тут добра коня.
Пошел тут Ильюшенка скорым-скоро,
Той-ли-то каликой перехожею.
Как приходил Ильюшенка во Царь-от-град,
Хватил он там татарина под пазуху,
Вытащил его на чисто поле,
Как начал у татарина допрашивать:
«Ты скажи, татарин, не утай себя,
Какой у вас невежа есть поганый был,
Поганый был поганое Идолице?»
110. Как говорит татарин таково слово:
«Есть у нас поганое Идолице,
А росту две сажени печатных,
В ширину сажень была печатная,
А головнице что ведь лютая лохалище,
Глазища что ведь пивные чашища,
А нос-то ведь на рожи с локоть был».
Хватил-то он татарина за руку,
Бросил он его во чисто поле,
Розлетелись у его тут косточки.
120. Как тут-то ведь еще Илья Муромец,
Заходил Ильюшенка во Царь-от-град,
Закрычал Илья тут во всю голову:
«Ах ты царь, да Костянтин Боголюбович!
А дай-ко мне калики перехожи

³ Условном месте.

- Злато мне, милостину спасеную».
Как ино царь он Костянтин он Боголюбович
Он-то ведь уж тут зрадоваётся.
Как тут в Цари-гради от крику еще каличьего
Теремы-то ведь тут пошатались,
130. Хрустальнии оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужахнулось.
Как говорит поганой таково слово:
«А царь ты, Костянтин Боголюбов был!
Какой это калика перехожая?»
Говорит тут царь Костянтин таково слово:
«Это есте русская калика zde».
Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пой его,
Надай-ко ему ты злата серебра,
140. Надай-ко ему злата ты долюби».
Взимал он царь Костянтин Боголюбович,
Взимал он тут каликушку к себе его,
В особой-то покой да в потайныи,
Кормил поил калику зрадоваётся,
Сам-то он ему воспроговорит:
«Да не красное ль то солнышко пороспекло,
Не млад ли zde светел месяц пороссветил?
Как нунечку топеречку zde еще,
Как нам еще сюда показался бы
150. Как старьи казак здесь Илья Муромец,
Как нунь-то есть было топеречку,
От тьи беды он нас повыручит,

106

- От тьи от смерти безнапрасные!»
Как тут это поганое Идолице
Взимает он калику на допрос к себи:
«Да ай же ты, калика было русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя,
Какой-то на Руси у вас богатырь есть,
А старьи казак есть Илья Муромец?»
160. Велик ли он ростом, помногу ль хлеба ест,
Помногу ль еще пьет зелена вина?»
Как тут эта калика было русская
Начал он калика тут высказывать:
«Да ай же ты, поганое Идолице!
У нас-то есть во Киеви
Илья-то ведь да Муромец,
А волосом да возрастом равным с меня,

- А мы с им были братица крестовии,
 А хлеба ест как по три-то колачика крупивчатых,
 170. А пьет-то зелена вина на три пятачика на медныхх». «Да чорт-то ведь во Кieve-то есть, не богатырь был!
 А был бы-то ведь зде да богатырь тот,
 Как я бы тут его на долонь ту клал,
 Другой рукой опять бы сверху прижал,
 А тут бы еще да ведь блин-то стал —
 Дунул бы его во чисто поле!
 Как я-то еще ведь Идолище!
 А росту две сажени печатных,
 А в ширину-то ведь сажень была печатная,
 180. Головище у меня да что люто лохалище,
 Глазица у меня да что пивные чашица,
 Нос-от ведь на рожи с локоть бы,
 Как я-то ведь да к выти хлеба ем,
 А ведь по три-то печи печёных,
 Пью-то я еще зелена вина
 А по три-то ведра я ведь мерных,
 Как штей-то я хлебаю, по яловицы есте русские»⁴
 Говорит Илья тут таково слово:
 «У нас как у попа было ростовского
 190. Как была что корова обжориста,
 А много она ела, пила, тут и трёснула,
 Тебе-то бы поганому да также быть». Как этии тут речи не слюбились,

107

- Поганому ему не к лицу пришли,
 Хватил как он ножище тут кинжалище
 Со того стола со дубова,
 Как бросил ён во Илью-то Муромца,
 Что в эту калику перехожую.
 Как тут-то ведь Ильи не дойдёт сидеть,
 200. Как скоро ён от ножика отскакивал,
 Колпаком тот ножик приотваживал.
 Как пролетел тут ножик да мимо-то,
 Ударил он во дверь во дубовую,
 Как выскочила дверь тут с ободвериной,
 Улетела тая дверь да во сини ты,
 Двенадцать там своих да татаровей
 Намертво убило, друго ранило.
 Как остальни татары проклинаят тут:

⁴ За один раз съедает щи, сваренные из целой коровы.

- «Буди трою проклят, наш татарин ты!»
210. Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюшой ёго в голову,
Как тут-то он поганый да захамкал есть;
Хватил затым поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать,
Помахивает Ильюша, выговариват:
«Вот мне-ка, братцы, ну́нчу ору́жье по плечу пришло».
А бьет-то, сам Ильюша выговариват:
«Крепок-то поганый сам на жилочках,
220. А тянется поганый сам не́ рвется».
Начал он поганых тут охаживать
Как этым поганым Идолицем,
Прибил-то он поганных всих в три́ часу,
А не оставил тут поганого на си́мена.
Как царь тут Костянтин он Боголюбович
Благодарствует его Илью Муромца:
«Благодарим тебя, старый казак Илья Муромец!
Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
230. От тьи от смерти безнапрасныи,
Ах ты старьи казак, да Илья Муромец!
Живит-ко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя я воеводою».
Как говорит Илья ёму Муромец:
«Спасибо царь, ты Костянтин Боголюбович!
А послужил у тя стольки́ я три часу,

108

- А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
240. Служил-то я у князя Володимера,
Служил я у его ровно тридцать лет,
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкии,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у его я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Костянтин Боголюбович!
Нельзя-то ведь еще мне здесь-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оставеш (*так*) на дороженьки».
Как царь тот Костянтин Боголюбович
250. Насыпал ему чашу красна золота,
А другую-ту ча́шу скачна жемчугу,

- Третью еще чиста сѣребра,
Как принимал Ильюшенка, взимал к себе,
Высыпал-то в карман злато серебро,
Тот ли то этот скачный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Костянтина Боголюбова.
«Это ведь мое-то заработное».
Как тут-то с царем Костянтином распростилиси,
Тут скоро Ильюша поворот держал.
260. Придет он на уловно это мистечко,
Ажно тут Иванищо притаскано,
Да ажно тут Иванищо придерзано⁵.
Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья ты каличьии,
Розувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьяннии,
Надевал на ся платица цветнии,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,
270. Тут-то он с Иванищом еще распрощается:
«Прощай-ко нунь ты сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных».
Да поехал тут Ильюшенька во Киев-град.

⁵ Т. е. у него платье истаскано, изорвано.

Последняя поездка Ильи Муромца

- А ездил-то стар по чисту полю,
И от младости да стар до старости,
И от старости да до гробной доски,
Эдакого чуда не наезживал:
Наезжает стар да три дороженьки,
А й три пути широких расстаночки,
А на этих путях на дороженьках
А й стоит-стоит дубовой столоб,
А й на столби-то подпись подписана:
10. «А й во перву дорожку ехать — убиту быть,
А во другую ехать — женату быть,
А во третью ехать — богату быть».
Это тут стар пороздумался:
«На что мне-ка-ва стару женату быть?
Молодая-то жена да то чужа корысть.
На что мне-ка-ва стару богату быть?
Это надо мне-ка старому убиту быть».
А поехал-то ведь старый в ту дороженьку.
Проезжает-то ведь старый ровно три часу,
20. Проезжает-то он места ровно триста верст.
Приезжает он за горы за высокии,
Заезжает терема да превысокии,
Наезжает-то он стан да ведь разбойничкой,
А не много их не мало сорок тысячей.
А увидали тут ведь старого разбойники,
А разбойники ты все да наскакалисе,
А й за старого оны все захватилисе.

110

- Говорит же им старый таково слово:
«Ай же вы тати, да разбойники,
30. Ай плуты же вы да подорожники!
Что же взять-то вам с меня со старого?
У меня нету ни злата, да ни серебра,
А й не мелкого ли-то да скатного-то жемчуга;
А кошуля на себе да в целу тысячу,
А седельшко черкальско во пятьсот рублей.
А коню-то моему да ведь цены нету».
И закрычал там атаман да ведь разбойничкой,
Закрычал-то атаман да громким голосом:
40. «Ай же вы тати, да разбойники,
А плуты этакие подорожники!
Да чего же со старым разговарить?
А й срубите-тко ему да буйну голову!»
Это тут ведь старенькой распахнется,
Это начал своей палицей помахивать;

- Куда махнет — туда улица,
 Взад отмахнет — переулками.
 Он прибил-то приломил да всех разбойников,
 И он с первого да до оста́тнёго,
 Это скоро тут да старый поворот держал,
50. Это старую-то подпись зафальшивливал.
 А новую-то подпись подписывал:
 «А ездил тут старыи, да убит не был».
 А поехал тут ведь старый где женату быть.
 Едет времечки он столько три часу,
 Проезжает он ведь места ровно триста вёрст.
 Наезжает тут ведь старый красиво село;
 А селом-то назвать да велико́ стоит,
 Городом-то назвать да мало́ стоит.
 И построен во сели да королевский двор,
60. Живет душечка Маринка королевична,
 Прилещает-то она да добрых мо́лодцев.
 А заезжае тут ведь старый на широкой двор,
 А й сходил тут стар да со добра́ коня,
 А и вязал-то коня к столбу то́чёному
 И к тому ли то ко́лецку золочёному.
 И выходит тут Маришка на широкий двор.
 А й берет его за ручки ты за белыи,
 А целует во уста, да во сахарнии,
 А проводит ведь в полату белокаменну.
70. А садила ведь его да за дубовый стол,
 А за тые ли за скатерти шелковыи,
 А за тые ли за ествы за сахарнии,
 И за сладкие за пи́тья за медвяныи.
 А сама отходя́ да поклоняется.
 Сго́ворит она ему да таково слово:
 «Ешь-ко, стар, не наедайся ты,
 Пей-ко стар, не напивайся-ко,
 Чтобы мог бы ты со мной да позабавиться».
 Ест-то ведь старый наедается,
80. Пьет-то ведь стар да напивается,
 Себи никакой невзгодушки не ведаёт.
 А ведь брала тут Маришка за белы́ руки,
 Повела-то ведь его во теплу спальню
 А ко тьи кровати ко подложистой.
 Сама-то говорит да таково слово:
 «А ложись-ко, старенькой, о стéночку,
 Лягу молода да я на кра́йчок».
 А говорит ведь ей тут старый таково слово:

- «Ах ты душечка, Маринка королевична!
90. А ложись-ко ты, Маришка, да о стéночку,
Лягу ведь я старый ведь на кра́йчок.
У меня-то ведь у старого теперь да не по-старому,
Не по-старому у мя, да мочь не держится,
Почасту́ я буду старый ночью вон ходить,
А вон я ходить да ведь коня смотреть».
Взимал-то ю за рученки за белыи,
А кидал ю на кроватку на подложисту,
Провалилася Маришка во глубок погрёб.
А й берет-то ведь старый золоты ключи,
100. Отмыкае старый кованы́ замки,
Выпускае он много царей,
А много царей да царевичёв,
А много ли королей да королевичев,
Много сильниих могучих бага́тырей.
Говорят ему старому таково слово:
«А спасибо тебе, старыи казак да Илья Муромец,
Что ты выпустил с неволи со великии».
А й берет ведь старый-то Маришку за белы́ руки,
Выводил-то Маришку во чисто полё,
110. А й вязал-то Маришку ко сыру дубу,
А й натягивал-то старый да свой тугой лук,
И налагает ведь он стрелочку каленую,

112

- А стреляет он Маришку да во белу грудь:
Раздробил-то у Маришки ретиво́ сердце.
Это тут ли-то старый поворот держал,
И приезжает-то старый к дубову́ столбу,
Это старую-ту подпись зафальшивливал
И новую-то подпись он подписывал:
«Ездил-то ведь старый, да женат не был».
120. А поехал-то ведь старый где богату быть.
Проезжает-то времечки ровно три́ часу,
Проезжает он ведь места ровно триста верст.
Наезжает ведь он в поли да глубок погреб,
А насыпан погреб злата се́ребра,
А насыпан он туда да скатна жемчугу,
А навален-то ведь на погреб превели́к камень,
А этот камень был тридевяносто пуд.
А сходил-то старый со добра́ коня,
Подпа́л ли старый могучи́м плечом,
130. А он выкинул со погреба вели́к камень,
А побрал ли-то много злата, много се́ребра,
Много мелкого скатного жемчуга;
А й построил он церкви соборные,
Устанавливал звоны колокольние,
А й тут же ведь старый поворот держал.

Приезжает старый к дубову́ столбу,
Старый эти подписи не зафальшивливал,
Новую-ту подпись подписывал:
«А ездил-то старый, да богатой был».

140. Приезжая он во славной во Киев-град
А ко тым ли он пещерам да ко киевским,
А прилетала невиди́ма сила ангельска,
А взимала-то ёго да со добра́ коня,
И заносила во пещеры ты во киевски,
И тут же ведь старый опочив держал.
А й потамест мы старому славы́ поём,
Старому каза́ку Ильи Муромцю.